

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архим. Сергей

Греческие школы (преимущественно
средневековые) и наши братские и
церковно-приходские

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 5-6. С. 679-715.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Греческія школы (преимущественно средневѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія ¹⁾).

Исторія—наилучшая наставница народовъ: исторія греческихъ школъ и возникшихъ изъ нихъ нашихъ братскихъ заключаетъ въ себѣ много жеучительнаго для нашихъ церковно-приходскихъ школъ, составляющихъ главный предметъ попеченія нашего Братства. Последнія школы ведутъ свое начало отъ первыхъ двухъ; живутъ ихъ наилучшими завѣтами и преданіями; это ихъ позднѣйшій отпрыскъ: но всякій потокъ, отпрыскъ получаетъ свѣжія жизненные струи изъ своего первоначальнаго родника, корня. Чтобъ освѣтить, оживить жизненные завѣты и преданія церковно-приходскихъ нашихъ школъ изъ ихъ первоисточниковъ, родоначальныхъ школъ и изъ ихъ многопоучительной исторіи извлечь добрые уроки для себя, мы остановимся прежде всего на исторіи греческихъ школъ, отчасти первобытныхъ, но больше средневѣковыхъ, слишкомъ малоизвѣстныхъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе весьма важныхъ.

Наивысшій образецъ, идеалъ для всѣхъ школъ и временъ—это общество св. учениковъ Господа нашего Иисуса Христа. Но и вселенскимъ учителямъ, умудреннымъ свыше ученикамъ своимъ Господь Иисусъ Христосъ—нѣкогда рекъ: *блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ (дѣтей), глаголю бо вамъ, яко Ангели иже на небесахъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Матѣ. XVIII, 10),—*аще не обратитесь и не будете яко дѣти, не увидите въ царствіе Божіе* (Марк. IX, 42; X, 15). Какъ же

¹⁾ Читано въ сокращеніи въ собраніи братства во имя Пресвятыя Богородицы 13 декабря 1887 г.

достигается это царство? Царство Божіе — не пища и питіе, но праведность и миръ и радость во Св. Духѣ. Вотъ свѣтъ живой, *иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка, грядущаго въ міръ* (Рим. XIV, 17). Возвышенныя начала евангельской и апостольской педагогики построены на семейныхъ началахъ, ихъ она возвышаетъ, одухотворяетъ, освящаетъ. Она ведетъ дѣтя ко Христу прежде всего чрезъ семью, которая есть зародышъ и родоначальница всякой школы. Семья въ первобытномъ христіанствѣ представляла изъ себя домашнюю церковь; семейная жизнь устроилась на подобіе храма Божія. Общее духовное пѣніе и общее чтеніе священнаго Писанія ежедневно совершались въ каждой христіанской семьѣ. Отецъ такой семьи, какъ ни занятъ былъ заботами о ея пропитаніи, общественными и государственными обязанностями, былъ какъ бы жрецъ, патріархъ ея. Мать христіанка благоговѣла предъ природою дѣтяти, которую превознесъ, возвеличилъ словомъ и примѣромъ Господь Иисусъ Христосъ. Въ язычествѣ, въ цвѣтущую пору его цивилизаціи (гражданственности) дѣтей продавали изъ корысти и безчеловѣчно умерщвляли не рѣдко сами родители; благотворительныхъ и сирото-воспитательныхъ учрежденій не было: въ христіанствѣ сироты и подкидыши воспитываются какъ родныя дѣти въ чужихъ семьяхъ, на попеченіи церкви; самые слуги заботливо охраняются, какъ домашныя дѣти и братья. вмѣстѣ съ родителями дѣти ходили въ церковь на богослуженіе, путешествовали ко святымъ мѣстамъ, посѣщали больныхъ и заключенныхъ и носили съ собою на груди книги св. Писанія. И въ пищу, и въ одеждѣ, и во всей обстановкѣ родители приучали дѣтей къ простотѣ и скромности. Мальчики большею частію отъ отца учились ремеслу, а дѣвочки отъ матери — ткать, прясть, вязать и т. д. Тѣ и другіе учились отъ матери чтенію, письму, пѣвію псалмовъ, изустному ихъ пересказыванью, изученію на память текстовъ священнаго Писанія и первоначальному наставленію или оглашенію въ вѣрѣ христіанской. То же самое, но въ большемъ объемѣ, преподавалось и въ первоначальныхъ огласительныхъ училищахъ, устроенныхъ если не самими апостолами, то спутниками и учениками апостоловъ. Первый по просвѣщенію народъ въ язычествѣ, греки, были первымъ просвѣщеннѣйшимъ народомъ

и въ христіанствѣ. Ихъ языкъ сдѣлался подлиннымъ языкомъ слова Божія Новаго Завѣта и всей начальной христіанской письменности. Въ главныхъ мѣстахъ проповѣди первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, — въ Александріи, Антиохіи, Ефесѣ, Кесаріи, Римѣ огласительныя училища мало по малу превратились въ „вышнія богословскія“. Въ знаменитѣйшей изъ нихъ александрійской школѣ, при знаменитѣйшемъ ея наставникѣ и начальникѣ Оригенѣ, сложился курсъ наукъ съ тѣмъ же неизмѣннымъ духомъ благочестія, который обиталъ въ огласительныхъ тѣхъ училищахъ и теперь проникалъ въ ея науки, не исключая и семи свободныхъ искусствъ *artes liberales*, перешедшихъ сюда изъ классической языческой древности. Въ риторическомъ и литературномъ образованіи Оригенъ, какъ видно изъ похвального ему слова св. Григорія неокесарійскаго, самъ держался правила и другимъ внушалъ: „старайся не о томъ, чтобъ образовывать изъ твоего ученика или сына искуснаго оратора, но воспитывай его въ духъ христіанской мудрости. Здѣсь все зависитъ отъ характера, отъ поступковъ, а не отъ словъ. Только одинъ характеръ можетъ сдѣлать его достойнымъ царства Божія и обогатить его истинными благами. Не языкъ его упражняй, а очищай душу“. У того же Оригена преподаваніе діалектики или логики соединялось съ естествовѣденіемъ, которое вызывало въ ученикѣ разумное удивленіе предъ вселенною, предъ высочайшимъ совершенствомъ природы, предъ Верховнымъ ея Творцемъ и Промыслителемъ. Съ геометрию, этою первоосновою философско-математическихъ наукъ соединялась астрономія, которая, изучая надземный міръ, вела ученика къ возвышенному, небесному. Преподавая правоученіе, этику, Оригенъ собственною личностію, всею жизнію своею доказывалъ божественную красоту добродѣтели и скромности. Изъ древнихъ языческихъ философовъ и поэтовъ онъ отнюдь не читалъ тѣхъ, которые отвергали Бога или Провидѣніе, и потому могли осквернить молодую душу. На христіанство онъ смотрѣлъ, какъ на единственную истинную философію и поэзію, какъ на ученіе, скрытое въ произведеніяхъ всѣхъ лучшихъ мыслителей и поэтовъ древности. Вся система обученія вращалась около толкованія св. Писанія,

которое было началомъ и конечной цѣлю всего обученія и воспитанія. Сколько бы труда ни стоило ему обученіе столькимъ наукамъ, но гениальный, самоотверженный подвижникъ науки не бралъ съ учениковъ никакого вознагражденія и довольствовался самыми скудными средствами къ жизни, получаемыми отъ продажи сочиненій, проживая по 4 овола (около 20 коп.) въ день ¹⁾. О любимѣйшей его наукѣ, Словѣ Божіемъ, другой великій учитель, св. Златоустъ училъ: „не думай, что съ помощію Писанія долженъ образовывать себя одинъ монахъ. Въ искусствѣ кормчаго нуждается не столько тотъ, кто стоитъ въ гавани, сколько тотъ, кто постоянно носится по морю; монахъ находится въ свободной отъ бурь гавани; мірской же человѣкъ постоянно борется съ бурями и превратностями жизни и къ тихому пристанищу онъ можетъ привести себя и другихъ чрезъ Писаніе. Все злое въ нашихъ дѣтяхъ, продолжаетъ тотъ же Златоустъ, происходитъ вслѣдствіе нерадѣнія нашего, когда мы съ самаго начала не возбуждаемъ въ нихъ страха Божія, не водимъ ихъ въ церковь, а на игры и зрѣлища, не спрашиваемъ, что въ церкви они читали или слышали; а потому все идетъ у насъ превратно и мѣсто родителей должны заступать не рѣдко власти; но кто замѣнитъ родного отца и мать! Знакомство дѣтей съ свящ. Писаніемъ служитъ противоудѣль противъ сильной власти чувственныхъ наклонностей въ этомъ возрастѣ: по возможности раньше передавай мальчикамъ особенно тѣ исполненные мудрости псалмы, гдѣ говорится о нравственной чистотѣ; отъ псалмовъ переходи къ гимнамъ, ибо они нѣчто болѣе божественное: небесные духи поютъ не псалмы, а одни лишь гимны“. Св. Василій Великій прибавляетъ къ св. Златоусту: „христіанинъ долженъ домогаться блага будущей жизни. Но къ этой жизни ведетъ св. Писаніе, наставляющее насъ путемъ тайнъ. Пока мы еще слишкомъ молоды, чтобъ постичь его глубокой смыслъ, то изощряемъ свою способность умственного зрѣнія на другихъ, болѣе или менѣе подобныхъ ему сочиненіяхъ, какъ бы на тѣняхъ и на зеркалѣ“.

Мать Григорія Богослова, подобно матери Самуила пророка, еще

¹⁾ Ист. педагогики Шмидта изд. 1879, т. II, стр. 12 — 45 — и Мехалевскаго изд. 1866, т. I, стр. 189—207.

въ дѣтствѣ отнесла дитя во храмъ, положила тамъ ручки его на библию и посвятила его Богу. Св. Григорій Богословъ и другіе великіе учителя церкви заботились преимущественно о поднятїи нравственнаго воспитательнаго элемента, почти не существовавшаго ни въ семьѣ, ни въ школѣ падавшаго язычества, развивая этотъ воспитательный элементъ на началахъ не только семейныхъ, но и аскетическихъ.

Съ V до IX в., вслѣдствіе внутреннихъ кровавыхъ смутъ и войнъ съ полудикими ордями варваровъ, пала наука и школы на востокѣ, особенно же на западѣ Европы, но не уналь въ нихъ духъ благочестія, особенно въ первыхъ. Со смерти Дидима Слѣнца (въ 395 г.) померкла слава и знаменитѣйшей александрійской школы. Ее замѣняетъ константинопольская главная школа, академія или университетъ. Основанная Константиномъ Великимъ по образцу римской капитолійской школы, при Феодосіи II-мъ и около столѣтія послѣ него, она имѣла 28 дидаскаловъ или наставниковъ. Изъ нихъ штатныхъ было 12-ть и ректоръ (*οἰκουμενικὸς διδάσκαλος*)—священное число 12 учениковъ Господа Іисуса Христа. Большая часть наставниковъ была въ священномъ санѣ. Самая школа или академія устроена при церкви въ Халкопратіяхъ, въ святомъ мѣстѣ, въ Сіонѣ Царьграда ¹⁾. При ней въ IV-мъ еще вѣкѣ устроенъ обширный сиротовоспитательный домъ (*ὄρφανοτροφεῖον*). Просвѣщеніе народа, дѣла благочестія и благотворительности совершались такимъ образомъ совмѣстно, рука объ руку, взаимно себя восполняя.

Закрытая при императорѣ Фокѣ (602—610), академія восстановлена была опять на столѣтіе при Иракліи ²⁾. При Львѣ Исаврѣ и всѣхъ императорахъ иконоборцахъ она снова была закрыта ³⁾.

Съ прекращеніемъ иконоборческихъ смутъ и ослабленіемъ внутреннихъ политическихъ распрей, состояніе просвѣщенія и школъ нѣсколько улучшилось; настали, такъ называемые, серебряные вѣка

¹⁾ Тамъ же у Шмидта 72 и Модзалевскаго 207 -- 215. Theoph. chronograph. sub. 5942 an. Bonn.

²⁾ Theoph. Sim. dialog.

³⁾ Cedr., edit. Bonn. I, 795; Zon. ed. Dindorffii VI, 3; Georg. Muralt 634.

просвѣщенія (съ IX до XV) сравнительно съ золотымъ IV-мъ. Кесарь Варда, дядя и соправитель императора Михаила III-го (въ пол. IX в.), возстановилъ академію и помѣстилъ ее въ Магнаврскомъ дворцѣ, между императорскою сокровищницею и св. Софіею. Константинъ Мономахъ († 1054 г.) устроилъ при ней церковь и монастырь св. великомученика Георгія и открылъ касседу (θρόνον) законовѣденія или что то же юридическую школу (διδασκαλεῖον νόμων). Въ изданной по этому случаю новеллѣ читаемъ: „учитель по этой касседѣ, номофилаксъ, будетъ причисленъ къ сановнымъ сенаторамъ (μεγαλόδοξοις συγκλητικοῖς), на торжественныхъ царскихъ выходахъ будетъ занимать мѣсто вслѣдъ за министромъ юстиціи (ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων), ежегодно будетъ получать ругу въ четыре литры (болѣе 1000 р. золотомъ), шелковую одежду (βλάττιον), пасхальный подарокъ (βαίον) и хлѣбное (σιτηρέσια). Должность свою будетъ занимать пожизненно по царскому назначенію“. Кто-жъ такой былъ этотъ великій сановникъ? Долгое время простой инокъ Іоаннъ Ксифилинъ (впослѣдствіи патріархъ). Касседу философій, съ титуломъ ината философѣвъ, занималъ знаменитый энциклопедистъ Михаилъ Пселлъ. Въвѣстъ съ Ксифилиномъ и Пселломъ, магистръ риторовъ Никита и Мавроподъ (неизвѣстно какую касседу занимавшій), оба также иноки, переведены были во дворецъ, получили государственныя должности и сдѣлались придворными учеными. Въ духъ того времени — самый вождеденный союзъ и объединеніе науки съ политикою, знанія съ вѣрою, государства съ церковію ¹⁾. Въ духъ того же времени императоръ Константинъ Дука (преемникъ Исаака Комнина) любилъ въ часы, свободныя отъ государственныхъ заботъ, заняться священными книгами, выслушать богословское разсужденіе о тайнѣ воплощенія и другихъ предметахъ догматики, читалъ свящ. Писаніе и углублялся въ его таинственный смыслъ. Никифоръ Вотаніатъ ночи посвящалъ чтенію книгъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ ²⁾. Императоры Комнины, Ласкарисы и Палеологи за небольшими исключеніями были очень об-

¹⁾ Psell, edit. Boissonade 151—152, 154, 508, 509 IV, LIII, 433 и 434; Migne CXX, 1167—8.

²⁾ Psell. 259, 268 и 269. Attal. 312.

разованные. Между ними было не мало замѣчательныхъ богослововъ, въ особенности—Мануилъ Комнинъ, Теодоръ Ласкарисъ и Мануилъ Палеологъ. Императоръ Алексѣй Комнинъ возобновилъ и расширилъ орфанотрофеумъ, или сиротскій пріютъ и построилъ при немъ соборъ св. Павла. Анна Комнина въ своей Алексіадѣ и Lebeau, на основаніи Джуканжа, описываютъ, этотъ *орфанотрофеон* или *collegium*, какъ одно изъ замѣчательныхъ въ свѣтъ учрежденій того времени. Расположенный при истокѣ Босфора въ Черное море, онъ представлялъ собою другой городъ въ окрестностяхъ Константинополя. Раздѣленный на множество далеко отстоящихъ одинъ отъ другого корпусовъ, онъ переполненъ былъ не одними учащимися, но и больными, ранеными, увѣчными. Изгнанные непріателемъ изъ своихъ монастырей монашествующіе приносили сюда свои церкви, бібліотеки, все имущество и открывали здѣсь свои монастыри. Но главное занимались обученіемъ и воспитаніемъ здѣсь сиротъ; многіе изъ сиротъ отдавались для воспитанія и обученія родственникамъ, здѣсь же жившимъ. Императоръ и родственники его сами неусынно наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось въ пріютѣ, за воспитаніемъ и содержаніемъ питомцевъ ¹⁾. Во время полувѣкового владычества латинянъ въ Византіи (1204 — 1262), академія съ пріютомъ была разрушена, всѣ школы были закрыты. Изгнанные изъ Византіи наука и школы на самомъ востокѣ нашли себѣ пріютъ въ Малой Азій, Палестинѣ и Эладѣ. Для доказательства достаточно вспомнить про Георгія кипрскаго, который въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ бросилъ родину, Кипръ, презрѣлъ просьбы и слезы родителей, переплылъ море, обошелъ всю Палестину и *Ефесъ* со всѣми ихъ школами грамотности, грамматическими, философскими, питаясь большею частію милостынею и подвергаясь опасности жизни отъ враговъ. За любознательность и талантъ возведенный вскорѣ въ званіе „Истолкователя посланій апостола Павла“, онъ сдѣлался знаменитымъ ученымъ и константинопольскимъ патріархомъ ²⁾. Ни въ какія ирач-

¹⁾ Анна Комн. въ русск. перев. 73. Anselm. Havelberg. Dialog Prolog. Bas-Empire XV t. 468 и 469. Lebeau,

²⁾ Lebeau 18 t. 307 p. Leo Allat de perpetua consens. I t. 2 cap. 45 pag.

ныя, бѣдственныя эпохи государственной жизни греческій народъ не переставалъ самъ себя образовывать и просвѣщать. Школы, закрываемыя врагами въ однихъ мѣстахъ, открывали въ другомъ люди всякаго званія, положенія и пола. Для характеристики образованности за это время и для сравнительной высоты уровня ея на востокъ и западъ, весьма важно слѣдующее свидѣтельство ¹⁾. Англичанинъ, магистръ Іоаннъ Базиништокъ (умершій въ 1258 г. въ санѣ честерскаго архидіакона), рассказывалъ, что онъ учился въ Аѣнахъ у одной дѣвицы Константины, дочери тамошняго архіепископа, которая, не имѣя 20 лѣтъ отъ роду, отличалась рѣдкими добродѣтелями и получила всестороннее и основательное образованіе. Она предсказывала заразы, ураганы, солнечныя затмѣнія и землетрясенія. Благодарный ученикъ завѣрялъ, что хотя онъ и учился въ Парижѣ, но всеми лучшими знаніями своими обязавъ этой аѣнской дѣвушкѣ и узналъ тамъ многое, что до тѣхъ поръ совершенно было неизвѣстно у нихъ на западѣ. Возстановитель греческой имперіи на востокъ, императоръ Михаилъ Палеологъ, возстановилъ константинопольскую академію и пріютъ въ 1262 году возобновивъ „громадное, какъ городъ, зданіе ея, эту загородную виллу столицы“ и устроилъ при ней двѣ средних школы; но тѣмъ же побужденіямъ благочестія и благотворительности, какъ и предшественники его, назначилъ опредѣленное содержаніе какъ наставникамъ, такъ и воспитанникамъ ея. Самъ посѣщалъ школу, рассказываетъ Пахимеръ, и разузнавалъ, каковъ каждый наставникъ, какъ велики его успѣхи и, когда нужно, поощрялъ ихъ, а ученикамъ, по отеческому обычаю, назначалъ время отдыха ²⁾. Но нѣвѣдшее, воиствѣ обезпеченное правительствомъ, состояніе школы было непродолжительно. Во время ліонской уніи (1274—82) школа пришла въ упадокъ. Съ тѣхъ поръ до самаго паденія Константинополя (до 1453 г.) мы теряемъ примыя историческія свѣденія о судьбѣ школы, существовавшей съ небольшими перерывами болѣе 1000 лѣтъ и оказавшей такія же безцѣнныя услуги для просвѣ-

¹⁾ Записанное въ *Geschichte Griechenlands von Hopf.* s. 117.

²⁾ Пахим. въ русск. перев. 261 стр.

щенія, какія въ первые вѣка оказала александрійская школа. Съ постепеннымъ распаденіемъ имперіи, по заключеніи ея въ одной лишь столицѣ, школа эта все еще оставалась „пріютомъ науки, убѣжищемъ философіи“; умственные силы сосредоточивались въ ней и столицѣ со всѣхъ, захваченныхъ врагами, областей. Въ „высшее это училище мудрости и вмѣстѣ благочестія“, особенно при такихъ схолахъ, какъ патриархъ Геннадій, Маркъ Евгеникъ, Матвей Камаріотъ и Іоаннъ Хризомала отовсюду, какъ и всегда прежде, шли любознательные латиняне для обученія высшимъ наукамъ, и возвращались съ обильными запасами греческихъ книгъ, напр. Гуарино, Аврискъ и Филельфъ ¹⁾).

Отъ X—XII вв. сохранились нѣкоторыя свѣденія о числѣ предметовъ, порядкѣ и методѣ преподаванія ихъ въ императорской константинопольской школѣ. Послѣ обученія чтенію, письму и счету, начинавшемуся въ 6-тилѣтнемъ возрастѣ, въ 8-милѣтнемъ дѣти начинали схеодографическія упражненія, состоявшія изъ изученія частей рѣчи отъ простѣйшихъ ея элементовъ, слоговъ и словъ до разбора частей предложенія включительно. Сюда же входилъ и механизмъ стихосложенія. Анна Комнина жалуется, что это была работа сухая и скучная ²⁾).

Схеодографія служила приготовленіемъ къ *ἐϋχόλιος παιδείας*, съ котораго начиналось среднее образованіе, къ высшей грамматикѣ и поэзіи, которыя изучались по классическимъ образцамъ, — грамматика по Аристарху и Аполлонію, поэтика по Гомеру, Эпихарму, Архилоху, Менандру и Пиндару. Изъ этихъ классиковъ, при чтеніи и разборѣ ихъ, выводились правила этимологіи, синтаксиса, просодіи и дѣлались выводы о природѣ языка, а также о его исторіи и происхожденіи самаго алфавита. По историческимъ классическимъ сочиненіямъ — Геродоту, Фукидиду, Плутарху, — изучалась исторія гражданская.

Риторика, начиная примѣрно съ 16-тилѣтнаго возраста, изучалась по древнимъ языческимъ образцамъ — Демосѳену, Исократу,

¹⁾ Ersch и Grub. 84 t. 290.

²⁾ Pag. 409 edit. Bonn.; ibidem 485; Du-Cange Glossarium Graecitatis t. II p. 1503.

Диомеду, а больше по христіанскимъ, древнимъ и новымъ: Синозію, Василю Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Евстафію солунскому, Михайлу Пселлу и т. д. Ученики пріучались къ составленію и произношенію рѣчей на судѣ и съ церковной каедрѣ; по жизнеописаніямъ святыхъ составляли характеристики ихъ, писали въ честь ихъ рѣчи и эпиграммы въ прозѣ и стихахъ.

Затѣмъ слѣдовали философскія науки: логика или діалектика, преподававшаяся по сочиненіямъ Фотія патріарха, потомъ Михаила Пселла и затѣмъ Никифора Влеммида, и такъ называемыя *μαθηματα*, или науки математическія; физика, въ составъ которой входили: географія, зоологія, ботаника, медицина и психологія (все въ примитивныхъ формахъ), астрономія съ астрологією или собственно метеорологією, ариметика съ алгеброю, геометрія съ тригонометрією и музыка ¹⁾. Путемъ сведенія результатовъ изученія всѣхъ философско-математическихъ наукъ и мистическимъ изъясненіемъ даже арифметическихъ чиселъ, ученики приводились къ метафизическому познанію высшаго бытія, верховнаго блага и послѣднихъ конечныхъ цѣлей всего существующаго. Это, такъ называемое, чистое знаніе (*καθαρά ἐπιστήμη*) или метафизика, за которою слѣдовало первое знаніе — богооткровенное (*πρώτη ἐπιστήμη*) или первая философія съ богословіемъ (*πρώτη φιλοσοφία*). Сюда входили всѣ богословскія и церковно-историческія науки, а равно и символическія аллегорическія толкованія свящ. Писанія. Что такое первое знаніе и первая философія, это прекрасно разъясняетъ Пселлъ: это есть мудрость, стоящая выше доказательствъ, постигаемая лишь вдохновеннымъ умомъ и открываемая въ христіанствѣ даже младенцамъ. Я не обошелъ вниманіемъ и ея, но добывъ тайныя книги (*βιβλία ἄρρητα*), почерпнулъ изъ нихъ сколько слѣдовало и сколько могъ. Есть болѣе семи тысячъ словъ, перешедшихъ къ грекамъ

¹⁾ Первые три общеобразовательныя науки: грамматика, риторика съ поэзією и діалектика или логика назывались съ классической еще древности *τριώνημος*, а четыре вспомогательныя математическія науки: физика, астрономія, ариметика и геометрія извѣстны, также еще изъ древности, подъ именемъ *κβαδριβία* или *μαθηματικῆ τετραπλῆς*. Музыка получила новое примѣненіе къ церковнымъ пѣснопѣніямъ.

отъ египтянъ, халдеевъ и евреевъ, примѣненныхъ къ богочита-
 нію (πρὸς θεοσεβείαν). Я ихъ научилъ, хотя не всё, и многими
 воспользовался для утвержденія тайны слова“. По высотъ, слож-
 ности и трудности предметовъ высшаго философско-богословскаго
 курса они изучались не тотчасъ послѣ общеобразовательнаго курса,
 но по изученіи желающими законовъ гражданскихъ (νόμων πολιτικῶν)
 и церковныхъ (θεονομῶν, ἱερατικῶν, ἱερῶν κανόνων), вообще въ
 совершенно зрѣломъ возрастѣ, отъ 25 до 30 лѣтъ, послѣ про-
 должительнаго домашняго самообразования и подготовки. Анна Ком-
 нина удивлялась, что мать ее и обѣдала съ философскою книгою
 (особенно любила она сочиненія философа Максима Исповѣдника)
 и спросила: „какъ ты могла дойти до пониманія такой высокой
 мудрости, между тѣмъ какъ я дрожу при одной мысли о такихъ
 тайнахъ“. Мать отвѣчала: „равнѣ я скоро и безъ страха приня-
 лась за эту книгу: и ты, какъ я, займись подольше другими нау-
 ками, извлекая изъ нихъ полезное“. Между тѣмъ какъ даровитая
 Анна прошла уже въ это время полный общеобразовательный курсъ.
 Вообще же религіозный элементъ не вытѣснялъ и не подавлялъ
 свѣтскаго, и богословская наука не убивала свѣтской, но прида-
 вала религіозную окраску содержанію ея въ цѣломъ. Замѣчатель-
 но, что, въ соотвѣтствіе религіозному направленію преподаванія,
 сама предержащая власть озабочена была, чтобъ преподаватели
 или дидаскалы въ академіи были большею частію въ священномъ
 санѣ и пользовались большимъ почетомъ: „сколько бы учителей,
 читаемъ въ повелѣіи Алексѣя Комнина, ни пожелали принять зва-
 ніе священника, пусть принимаютъ безпрепятственно, только бы
 украшены были добродѣтельною жизнію и рѣчью, приличною учи-
 телю. Пусть они имѣютъ соотвѣтствующую честь при выходахъ и
 на кафедрахъ, если занимаютъ штатную должность, соотвѣтственно
 должности, а если сверхштатную, то тотчасъ послѣ штатныхъ,
 безъ сомнѣнія пользуясь большею честью предъ сверхштатными
 свѣтскими учителями, какъ представители лица великаго перво-
 священника“.

Описанная константинопольская школа была правительствен-
 нымъ учрежденіемъ, это — храмъ науки и разсадникъ ученаго чи-

новничества: изъ дидаскаловъ и иѣтопцевъ ея выходили и архіереи и саповники въ центральномъ и областномъ управленіи, въ столицѣ и ѳемахъ. Главная правительственная школа была одна. Но образованность въ народѣ поддерживали множество частныхъ школъ, открывавшихся и содержавшихся частными лицами или обществами. При свойственной грекамъ любви къ наукѣ и стремленіи къ самообразованію, правительство не только не давало имъ субсидій, но вѣняло даже съ нихъ сборъ въ пользу казны: такъ какъ онѣ приносили нѣкоторый, хотя и скудный, доходъ дидаскалажъ ¹⁾).

Что-жъ это были за школы? При Комнинахъ, въ XII в., возстановлены были, вѣроятно, древнія философскія школы—частныя и общественныя. Предержавшая власть заботилась преимущественно объ одномъ, объ охранѣ религіи и благочестія въ нихъ, какъ и въ низшихъ первоначальныхъ школахъ. Многіе философы и отчасти риторы читали публичныя лекціи при дворѣ, на форумѣ (*ἀγορά*) и въ собственныхъ домахъ,—Іоаннъ Ксифилій, Іоаннъ Мавропадъ, Михаилъ Пселль, Ѳеодоръ Метохитъ, — и къ нимъ стекались любопытные слушатели. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Хоніатъ и Григора имѣли обширѣйшія библіотеки, отдѣльные дома, нагруженные книгами, или физико-математическими инструментами. Въ частныхъ такихъ школахъ нѣкоторыя спеціальныя науки преподавались въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ правительственной высшей школѣ, наприм., гражданское право, политическая экономія и т. д., медицинскія и естественныя науки въ особенности же ботаника. Но какъ и въ древнія времена, по многознаменательному изреченію Василія Великаго, свѣтскія эти науки, подобно листьямъ, служили украшеніемъ для древа христіанскаго познанія и охраною для плодовъ его. Наука всѣхъ наукъ образовательныхъ,—философія была служебнымъ орудіемъ богословія, которое было вѣнцемъ и цѣлюю всѣхъ наукъ (*corona et culmen omnium scientiarum*). Справедливость однако требуетъ сказать, что философія преподавалась большею частію въ видахъ практическихъ,

¹⁾ Ист. Анны Комн. въ русск. переводѣ 20 и 26 стр.

не столько для навыка въ спекулятивныхъ воззрѣнiяхъ, сколько для развитiя блестящаго остроумiя, быстрой сообразительности и въ интересахъ риторическаго образованiя. Самы императоры жаловали деньгами и почестями ученыхъ, которые отличались мировизаторскимъ даромъ. говорили тонко и увлекательно по нѣсколько часовъ сряду. Да и для успѣха въ общественной дѣятельности, въ интересахъ государственной службы и для сношенiй съ многочисленными сосѣдями въ Европѣ и Азiи, нужно было образованiе словесное, ораторское, а не строго-философское. Однако излишняя погоня за красивою и плавною рѣчью повлекла за собою нѣкоторую неумѣстность тона въ рѣчи и невыдержанность вкуса ея: о предметахъ мелочныхъ говорили иногда тономъ серьезнымъ, важнымъ, о важныхъ и священныхъ предметахъ—наивно и тривиально. Отсюда же пристрастiе къ разнообразнымъ вычурнымъ, фантастическимъ метафорамъ, образнымъ выраженiямъ восточнаго краснорѣчiя.

Со временъ Константина Великаго существовали еще высшiя юридическiя школы. Онѣ-то послужили потомъ образцами для устройства въ Италiи юридическихъ лицеевъ и факультетовъ и въ нихъ, какъ и въ послѣднихъ, въ теченiе пяти лѣтъ или курсовъ преподавалось право гражданское или имперское и церковное или каноническое, то и другое въ особыхъ коллегiяхъ. Разработка древне-римскаго права на почвѣ христіанской, начатая при Константиномъ Великомъ, особенно же развитая и успѣшная при Юстинианѣ, во время Комнинныхъ. Но въ вѣкъ Зонары, Вальсамона и Аристина особенно развилось церковное право, къ вѣщному утвержденiю духа церковности, законности и благочестiя въ народѣ.

При патриархiи и монастыряхъ важнѣйшихъ были школы, изъ которыхъ выходили не только хорошия чтецы, пѣвцы, составители тропарей, кондаковъ, каноновъ, духовныя стихотворцы, но и люди съ общимъ литературнымъ гражданскимъ образованiемъ; кромѣ свящ. Писанiя и отцевъ церкви въ нихъ изучали и философовъ. Монастыри цареградскiе, особенно студiйскiе, аеонскiе, патмосскiе, лесбосскiе, андросскiе въ XII в. владѣли еще неисчерпаемыми сокровищами рукописей. Жизнеописатель Феодора Студита

называетъ эти монастыри прекрасными садами, въ которыхъ процвѣтали занятія науками и изъ которыхъ вышло много просвѣщенныхъ людей. Іоаннъ и Исаакъ Комнинны получили воспитаніе въ студійскомъ монастырѣ; Исаакъ же за умъ, образованіе и добродѣтели возведенъ былъ на византійскій престолъ въ 1057 году. Что касается до собственно церковныхъ школъ или древнихъ катехуменій, содержимыхъ пресвитерами, то въ III в. многіе уже пресвитеры прославились обученіемъ въ нихъ напр. Св. Панфилъ въ Кессаріи Палестинской, св. Лукіанъ въ Антиохіи, блаженный Климентъ въ Александріи. 6-й вселенскій соборъ, какъ видно изъ одного древняго каноническаго сборника, узаконяетъ: да имѣютъ пресвитеры школы у себя по городамъ и селамъ. И если кто изъ вѣрующихъ пожелаетъ отдать имъ дѣтей на ученіе, то да не отказываются пресвитеры принять ихъ, да не требуютъ и платы за сіе, исключая того, что сами родители ихъ привесутъ по усердію, любви и доброй волѣ“. Въ XI и XII вв. во времена Алексѣя, Іоанна и Мануила Комнинныхъ при всѣхъ монастыряхъ и церквахъ обязательно заводились школы, въ нихъ дѣтей обучали закону Божію и первоначальнымъ предметамъ большею частію въ панертяхъ, шатрахъ и подвалахъ, устроенныхъ при храмахъ. Наиболѣе бѣдные дѣти тутъ же, вмѣстѣ съ нищими, и жили насчетъ подаеній и спали большею частію подъ открытымъ небомъ, что при тамошнемъ климатѣ не представляло особенныхъ затрудненій. Это были своего рода тривіальныя школы, только не въ смыслѣ трехпредметнаго въ нихъ курса, а въ смыслѣ обученія на улицахъ, подъ открытымъ небомъ: *trives* — собственно значить улица ¹⁾).

Дѣти богатыхъ властелей или аристократовъ обучались не на улицахъ, не въ школахъ, но большею частію дома, — для этого нанимались дидаскалы и учреждались какъ бы домашнія школы, въ которыхъ кромя властельскихъ дѣтей иногда обучались бѣднѣйшіе товарищи ихъ игръ, даже рабы ²⁾), подобно тому какъ въ

¹⁾ Пахим. русск. пер. 150 и 151, 171 и 172.

²⁾ Minge СХХ, 1053. Византійская наука и школа въ XI в. П. т. Скабалановича, 33 стр.

школъ придворной вмѣстѣ съ царскими дѣтьми обучались и дѣти бояръ и властелей. При богатыхъ аристократическихъ домахъ устраивались церкви: какъ и придворная школа, школы эти находились подъ сѣнію церкви, подъ одною кровлею съ нею. Такой напр. храмъ Божій и храмъ науки были при домѣ Н. Хоніата (извѣстнаго историка, педагога и вельможи). „Онъ имѣлъ благочестивый обычай собирать въ свой домъ и храмъ иконы и останки св. мощей, воздавая имъ величайшую честь. Не было ни одного изъ всѣхъ праведниковъ, вписанныхъ въ цѣломъ кругѣ дней года, который бы въ день, посвященный его памяти, не былъ почтенъ отъ него духовною жертвою, хвалебными пѣснями и принесеніемъ начатковъ отъ всѣхъ плодовъ“¹⁾. Пѣніе въ домашнихъ и церковныхъ школахъ было сперва одногласное, потомъ трисоставное на 3 голоса, подобное, замѣчаетъ одинъ хронографъ, славословію ангеловъ, совершаемому тремя ликами изъ 9 чиновъ ихъ, и наконецъ самое красное демественное, т. е. хоровое, подъ управленіемъ деместика, т. е. регента, уставщика и учителя пѣнія.

Главное направленіе образованія домашняго и школьнаго всѣхъ степеней и видовъ во всѣ средніе вѣка, какъ и въ древніе, было религіозное. Все обученіе сводилось къ утвержденію въ вѣрѣ, *θεβαιωσις τῆς πίστεως*: такъ какъ жизнь человѣка имѣла значеніе на столько, на сколько она посвящалась небу. Богобоязненная мать, воспитывая дѣтей въ страхъ Божию, наполняла, услаждала дѣтское воображеніе не сказками, но библейскими сказаніями, прямо съ азбуки переходила къ часослову и псалтири²⁾. Какъ книгу священныхъ пѣсней, псалтирь читали на распѣвъ. Честь матери требовала, чтобъ дочь ея по вечерамъ, зажегши свѣчу и взявъ въ руки псалтирь, распѣвала псалмы, а раннимъ утромъ отправлялась въ церковь и, ставши на хоры, пѣла вмѣстѣ съ другими³⁾. Самое искусство прясть, ткать и разнаго рода рукодѣлья находились подъ покровительствомъ церкви; посвящены были покровительству св.

¹⁾ *Monodia* Мухамла Акомината на смерть Н. Хоніата *Λαμπρος Σωζομ.* т. I, стр. 345—366.

²⁾ *Psell.* V, 66.

³⁾ *Psell.* V, 67. 74.

мученицы Агаѳи. Праздникъ св. мученицы Агаѳи (5 февраля) былъ торжественнѣйшій женскій праздникъ. Дѣтей и неграмотныхъ монашествующіе искусно обучали религіи посредствомъ священныхъ картинъ, которыя назывались книгами малолѣтнихъ ¹⁾. Въ отро-
ческихъ и юношескихъ лѣтахъ св. отцовъ церкви читали гораздо болѣе, чѣмъ классическихъ ораторовъ и поэтовъ. Много изучали нравственныхъ афоризмовъ, сентенцій, изреченій знаменитыхъ мужей и народной мудрости, пословицъ, поговорокъ. Люди ученые, безъ образованія богословскаго, считались полуобразованными; всѣ меценаты, сановники и императоры за высшую честь поставляли содѣлаться „питомцами божественной мудрости“; жены и дочери императоровъ также за наивысшую честь считали быть богословками и свое покровительство просвѣщенію старались ознаменовать неусыпнымъ попеченіемъ, чтобъ „вездѣ эллинскому образованію предпочитали занятія божественными писаніями“ ²⁾. Тѣмъ болѣе заботились о томъ ближайшіе руководители юношества наставники и профессора. Нерѣдко профессоръ дѣлалъ интимныя дружескія обращенія къ студентамъ, въ которыхъ излагалъ имъ правила нравственности, вспоминалъ свою жизнь; да и самая жизнь требовалась отъ него безукоризненная, назидательная для студентовъ, чтобъ они могли поучаться не только изъ лекцій, но и изъ жизни его ³⁾. Съ древнѣйшихъ временъ „въ церквахъ и школахъ дидакалы или учителя объясняли кто иѳси пророка Давида, кто посланія апостола Павла, кто евангельскія заповѣди Спасителя. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые были облечены въ санъ священства, частнымъ образомъ и поочередно проповѣдывали божественное слово по домамъ въ собраніи членовъ семейства и ихъ сосѣдей. Это располагало къ жизни по заповѣдямъ Божиимъ, служило къ познанію истинной вѣры. Или лучше: это было духовное орошеніе слушателей изъ великаго божественнаго источника, орошеніе, которое ихъ измѣняло,

¹⁾ Модзал. 231.

²⁾ A. Comn. III Lib. 8 c. 163 p. Savigni, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. B. 3.

³⁾ Юридическія школы въ средневѣковой Итали. Азаревича. «Русскій Вѣстникъ» 1832 г. янв.

преобразовывало и располагало къ лучшему“¹⁾. Лучшіе усѣхи въ наукахъ признавались непременно содѣйствіемъ божественной помощи, благодатнымъ даромъ небесъ. Анна Комнина пишетъ о философѣ Пселлѣ: „къ мудрымъ учителямъ онъ не много ходилъ, но по природной воспримчивости и остротѣ ума, особенно же при содѣйствіи божественной помощи, которую онъ получилъ за горячія молитвы своей матери, непрестанно бодрствовавшей во храмѣ Кира предъ св. иконою Богоматери и съ теплыми слезами умолявшей Ее о сынѣ, онъ достигъ вершины всякой мудрости“. Религіозное направленіе образованія исходило изъ мысли, что Богопознаніе и спасеніе души едино есть на потребу, что о Богѣ нужно вспоминать чаще, нежели дышать²⁾. Религія — главная государственная основа, жизненная стихія, душа и жизнь того и другого государства. Религіозное образованіе и воспитаніе съ дѣтства нужно было грекамъ не для аскетическихъ только стремленій, преобладавшихъ у нихъ много болѣе, чѣмъ даже на западѣ въ средніе вѣка, но и для цѣлей жазненныхъ, практическихъ, государственныхъ и общественныхъ.

Грубы были нравы въ средніе вѣка? Но грубы и грязны были они въ подонкахъ и отребіяхъ общества византійскаго и то больше благодаря варварству крестоносцевъ и наплыву дикихъ ордъ азіатскихъ, которыя, по принятіи христіанства, не скоро измѣнились къ лучшему; но все же нравы на востокѣ были выше, чѣмъ на западѣ. Пала наконецъ византійская имперія въ 1453 г. собственно отъ напора дикихъ ордъ азіатскихъ, которыя не подъ силу были всей западной Европѣ, и по вѣроломному предательству и раззоренію отъ послѣдней, начиная еще съ XI в., съ крестовыхъ походовъ, а не отъ повальной всеобщей деморализаціи, какъ многіе заключаютъ поспѣшно. По признанію и западныхъ ученыхъ³⁾, византійское общественное богослуженіе и въ это мрачное время не переставало благотворно дѣйствовать на душу и сердце и питаемая

¹⁾ Григора въ русск. перев. 177—178.

²⁾ Анна Комн. въ русск. пер. I, 19.

³⁾ Приводимыхъ у Краус. Die Eroberungen von Constantinopol. S. 113—116.

и ихъ религіозность, набожность очень сильна была во многихъ; грубые пороки и преступленія были, конечно, въ высшихъ и низшихъ слояхъ народа, особенно въ столицѣ имперіи, но не больше, чѣмъ сколько ихъ существуетъ вездѣ и теперь, особенно-жъ въ нынѣшнихъ большихъ столицахъ и даже въ мелкихъ городахъ.

Въ чемъ же залогъ историческаго величія и живучести грековъ? Отчего нравы ихъ были сравнительно чисты? Почему воспитаніе и въ школахъ среднихъ и высшихъ всѣхъ степеней и видовъ было такъ глубоко религіозно и церковно? Потому что таково было первоначальное воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ: впечатлѣнія дѣтства, какъ извѣстно, глубочайшія; на юной душѣ все отпечатлѣвается какъ печать на воскѣ и остается на всю жизнь; по св. Златоусту, при добромъ религіозномъ воспитаніи дитяти, добро сдѣлается его внутреннимъ качествомъ и станетъ какъ бы его природою, такъ что оно само добровольно не перейдетъ къ злу.

Цѣльность первоначальнаго воспитанія, равножѣрное развитіе ума и сердца въ послушанія вѣрѣ и церкви была причиною, что сама философія въ философствующей націи, при всей превратности судьбы той и другой, не взималась на разумъ Христовъ, отличалась цѣльностію своего міросозерцанія. До VI в., когда церковь заботилась о раскрытіи и утвержденіи содержанія догматовъ на умообразительныхъ (спекулятивныхъ) основаніяхъ, философія Платона съ ея спекулятивнымъ содержаніемъ, богатствомъ идей, довольно близкихъ къ христіанству, была наиболѣе подходящею для дидакаловъ церкви, которые пользовались ею по разуму церкви апостольской. Съ VI в., когда главные догматическіе вопросы были уже достаточно обсуждены и стала чувствоваться необходимость привести догматическій матеріалъ въ систему, начинаетъ усиливаться изученіе Аристотеля въ ущербъ Платону. Великій поэтъ, философъ и богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ, въ своемъ Περὶ τῆς ὑπόθεσεως, сдѣлалъ опытъ систематизаціи христіанскаго ученія по категоріямъ Аристотеля, считая эту философію за искусство всѣхъ искусствъ, за науку всѣхъ наукъ, познаніе природы всѣхъ вещей Божескихъ и человѣческихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и всѣ дидакалы, по ра-

зуму Божественнаго Дамаскина, пользовались Аристотелемъ. Послѣ трехъ вѣковъ упадка просвѣщенія (отъ I до IX) въ серебряные вѣка его, въ IX, X и преимущественно въ XII совершилось возрожденіе древней классической науки и философіи Платона: у самихъ грековъ оно совершилось на три вѣка ранѣе, чѣмъ какъ они, но паденіи ихъ имперіи, произвели его на западѣ Европы, подъ именованіемъ гуманизма; но на востокѣ оно отнюдь не сопровождалось такими опасными послѣдствіями для христіанской доктрины и жизни, какъ это было на западѣ. Въ XII в. на востокѣ появились было этнофроны въ родѣ гуманистовъ западныхъ и христолиты въ родѣ древнихъ гностиковъ, но тѣ и другіе были побѣждены гносимахами, хотя и сами гносимахи впади въ крайность (поставили себя во враждебное отношеніе къ знанію и наукѣ христіанской и требовали лишь честной и благочестивой жизни, какъ источника высшаго внутренняго озаренія). Ни одна изъ этихъ партій неоплатониковъ XII в. не успѣла сплотиться въ секту, а всѣ составляли небольшіе кружки свободномыслящихъ людей. Въ XIII в. ихъ уже не видно. Въ XV в., въ лицѣ Плеона и его школы, отрыгнули было этнофроны; но какъ и въ XII вѣкѣ, они не пошли далѣе легкомысленнаго увлеченія возрожденнымъ моднымъ платонизмомъ, которое, какъ и всякая модная новизна, не долго (менѣе вѣка) прельщало умы. Не пустивъ глубокихъ корней въ сознаніе народное и общественную жизнь, неоплатоники эти не могли примкнуть даже и къ философскимъ школамъ, не произвели между ними и тѣни той розни и вражды, какую мы видимъ въ исторіи древнихъ философскихъ школъ изъ за всякаго новаго ученія. Вѣра и любовь христіанская, *побѣда, побѣдившая міръ* (Іоан. V, 4), объединяющая всѣ разповидности національностей и племенъ, сгладила и умиротворила и самую закоренѣлую рознь и вражду—во взглядахъ, понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Древнія христіанскія школы александрійская и антиохійская, при всемъ различіи и отгѣнкахъ въ направленіи ихъ, идеализмъ и рационализмъ, жили между собою въ дружбѣ и согласіи, одна другую восполняя. То же было и во взаимныхъ отношеніяхъ философскихъ школъ XII вѣка и позднѣйшихъ. Въ силу мѣстныхъ традицій во всѣ

средніе вѣка самая большая часть ученыхъ пользовалась Платоновою философією, въ тѣхъ же цѣляхъ и въ томъ же порядкѣ, въ приложеніи ко вновь возникавшимъ вопросамъ, преимущественно ересеологическимъ, въ какихъ пользовались ею въ первые вѣка христіанства, какъ воспитались на ней вседенскіе учителя—Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый. На востокѣ много было ересей, но всѣ опѣ здѣсь же и побѣждены. Философія грековъ вращалась преимущественно около двухъ двигателей мировой мысли Платона и Аристотеля, которыхъ они изучали по первоисточникамъ, по своимъ комментаріямъ и схоліямъ, проникавшимъ во всѣ глубины и тонкости ихъ ученія; тогда какъ на западѣ до XVI в. изучали одного Аристотеля и то лишь по частямъ, по кое-какимъ комментаріямъ и схоліямъ арабскихъ писателей, которые часто жгли подлинныя его творенія. Греческіе средневѣковые философы не останавливались на одностороннихъ силлогистическихъ построеніяхъ Аристотеля, на его отвлеченныхъ, не питающихъ чувства, разсудочныхъ комбинаціяхъ, не силились выводить изъ нихъ всѣ догматы, не вдавались въ произвольныя фантастическіе вопросы, въ мелочныя несбыточныя предположенія и причудливыя діалектическія формы, съ безконечными тезисами, антитезисами, дефиниціями, субдефиниціями, дистрибуціями, субдистрибуціями, какъ это дѣлали западныя схоластики, начиная отъ Эригены до XVI в.; погружаясь во всѣ глубины и тонкости психологическаго анализа, греческіе философы возвышались до чистоты и высоты воззрѣній Платона, до идеальности и цѣльности умозрѣнія, которая составляетъ необходимую принадлежность христіанскаго любомудрія. Мистика восточная православная также не имѣла почти ничего общаго съ мистикою западною католическою, мечтательною, поэтизированной, комбинировавшею представленія и мысли по внѣшней ассоціаціи, впадавшею въ формализмъ и казуистику и при близорукомъ отыскиваніи Божества въ природѣ и человѣкѣ, доходившею до идеалистическаго пантеизма; въ восточной мистикѣ идея и мысль, чувство и разсужденіе, возвышенность созерцанія и простота, ясность изображенія видѣній находятся въ счастливомъ сочетаніи и въ строгомъ соответствіи съ догмою христіанства; глав-

ныя источникомъ своихъ созерцаній и боговидѣній она поставляетъ святую облагодатствованную жизнь и аскетизмъ въ духъ евангелія безъ всякой примѣси кровавыхъ противоестественныхъ самоистязаній тѣла, какія для достиженія духовныхъ видѣній употребляли западные мистики; отъ естественной проникательности и предусмотрительности, изощряемой наукою и богомыслиемъ, у нея непосредственны, переходъ къ сверхъестественному откровенію и озаренію свыше. Нужно ли прибавлять, что такое характерное направленіе и настроенность религиозно-философскаго міросозерцанія зависѣли не отъ однихъ расовыхъ особенностей, но и отъ воспитанія и обученія, семейнаго и школьнаго, безъ котораго овѣ заглохли бы; отъ вдумчивости и пытливости мысли при первоначальномъ еще обученіи, отъ быстроты и высоты полета ея, отъ обширности и дальнозоркости ея кругозора, и отъ сдержки и ограниченія ея мечты и произвола, отъ опасливаго уваженія къ авторитету богоносныхъ и богомудрыхъ отцовъ и учителей церкви, отъ мудраго *обученія благочестію встѣхъ чувствъ души*, отъ благоговѣйнаго преклоненія предъ аскетическими идеалами.

По паденіи византійской имперіи, подъ гнетомъ турецкаго ига наступила, говорить Эней Сальвій, вторая смерть Гомеру, Пиндару, погибли окончательно греческіе философы. До 1839 года не было у грековъ ни академіи, ни университета въ родѣ Императорской Константинопольской школы. Константинопольская патріаршая школа, главная изъ всѣхъ оставшихся школъ, едва влачила свое существованіе. Въ 1578—81 году Мануилъ Малаксъ училъ въ ней дѣтей и юношей греческихъ, въ тѣсной и бѣдной хижинѣ близъ патріархіи; пѣтался сушеными рыбаки, которыя развѣшаны у него были въ жилищѣ; промышлялъ переписываніемъ въ ней книгъ за плату ¹⁾. Съ ослабленіемъ тиранніи турокъ, въ XVIII столѣтіи появилось на 20 милліоновъ жителей до 30 гимназій, извѣстныхъ намъ лишь по имени и 7 гимназій, извѣстныхъ

¹⁾ Turcograecia Martini Crusii p. 185. А ученѣйшій Федоръ Газа, одалъ изъ главныхъ распространителей классическихъ званій на западъ Европы, едва не умеръ съ голоду.

по имени нѣкоторыхъ ихъ наставниковъ: упомянутая патріаршая константинопольская, хіосская, артская, янинская, мосхопольская, аеонская и смирнская. Большая часть изъ нихъ ютились въ монастыряхъ и на островахъ Средиземнаго, Адриатическаго и Эгейскаго морей въ бѣдныхъ лачужкахъ и шалапахъ или подъ тѣнію вѣтвистаго дерева, но и здѣсь то и дѣло были закрываемы. Предметы преподавались въ нихъ прежніе, но не всѣ и въ сокращенныхъ программахъ, учителями пришлыми, странствующими, за вознагражденіе самое ничтожное (200 грошей въ годъ), но удивительно самоотверженно преданными дѣлу просвѣщенія. Два, три наставника, а чаще одинъ преподавалъ всѣ предметы въ гимназій. Сами они, проучившись въ церковной или приходской школѣ съ отличными успѣхами, на средства общины или прихода, поступали въ патріаршую школу или въ падуанскій университетъ и, по возвращеніи домой, въ благодарность за воспитаніе, на всю почти жизнь обрекали себя на должность учителя въ родномъ городѣ, въ простомъ иноческомъ санѣ, съ почетнѣйшимъ издревле титуломъ дидаскала. Многіе изъ этихъ скромныхъ иноковъ — дидаскаловъ извѣстны отличными философскимъ образованіемъ (Федоръ Коридаллей, Мееодій Антракитисъ), богословскимъ (Гавріилъ Власій, Георгій Боресій), филологическимъ (Виссаріонъ Макрисъ), а Евгеній Булгарисъ — энциклопедическимъ. При ревностнѣйшихъ ученыхъ занятіяхъ, они написали много ученыхъ трудовъ. Всѣхъ же писателей греческихъ не совсѣмъ заурядныхъ, иногда и талантливыхъ за всѣ турецкія времена Сава насчитываетъ (въ *Νεοελληνική Φιλολογία*) до 700 ¹⁾. Тѣмъ не менѣе бывшіе ученики грековъ на западѣ Европы теперь становятся ихъ и нашими учителями. Новыя философскія системы Лейбница, Мальбранша читались въ константинопольской и янинской школахъ; введены были въ нихъ и новыя методы преподаванія, выработанныя западною европейскою педагогикою. Но эти философы и педагоги — учителя, пособники наши въ дѣлѣ науки, но не вѣры и благочестія. Духъ св. вѣры и бла-

¹⁾ Сп. Александра Гелладія, *Status praesens Ecclesiae Graecae*. S.-Peterburg. 1714 an.

гочестія и преданія священной древности были живы и дѣйственны. Живучесть греческаго гения, при поддержкѣ западной науки и могущественной Россіи, поддерживалась св. православною вѣрою, а безъ нея греки изгибли бы подъ игомъ турецкимъ или латинскимъ. Чѣмъ бѣдственнѣе было внѣшнее положеніе грековъ, тѣмъ сильнѣе становились въ нихъ аскетическія стремленія даже въ учащіяся дѣтяхъ: отъ гоненій уходили на небо, въ даль отъ міра ¹⁾. Духовныя школы аскетовъ были и для многихъ дѣтей наилучшими школами науки и нравственности, *мудрости яже свыше* (Іак. III, 17). Страшное рабство въ однихъ портило нравы, развивало хитрость, грубость и хищническіе инстинкты, а другихъ возвышало на высоту ангелоподобнаго житія. По свидѣтельству греческаго ученаго Александра Гелладія, первоначальное воспитаніе и обученіе дѣтей было въ это время совершенно монастырское. Самыя школы помѣщались буквально въ церкви, тамъ, гдѣ во время богослуженія стоятъ женщины, на хорахъ или палатахъ, издревле называвшихся катихуменіями, или же въ задней западной половинѣ храма, отдѣлявшейся отъ остальной церкви сквозною рѣшеткою. Учителями были приходскіе священники, а чаще монахи агіориты (аеонцы), которые, въ возмездіе за свои просвѣтительныя труды, получали приходъ, а такъ какъ приходы были небольшіе, то они усилъвали выолнѣ и по приходу и по школѣ. „Послѣ того какъ юноши греческіе, пишетъ тотъ же Гелладій ²⁾, перестанутъ лепетать и начнутъ говорить, ихъ посылаютъ въ ближайшій какой-либо храмъ для изученія всего относящагося до вѣры христіанской. Въ теченіе пяти или болѣе лѣтъ, они изучаютъ тамъ октоихъ Дамаскина, псалтирь Давида, притчи Соломона, всѣ евангелія, дѣянія и посланія апостольскія, тріодъ и анеологій вмѣстѣ съ Пятокнижіемъ и пророками, къ чему присоединяютъ нисѣмо и ариеметику. Вскорѣ послѣ восхода солнца учитель приходитъ въ церковь—училище, гдѣ ожидаютъ его юноши, и ставъ къ алтарю, творить пространную молитву.

¹⁾ Ueler. t. II I v. 406. De la Croix chap. XX Grelot. p. 62, 64 и 65.

²⁾ Status praeiens Ecclesiae t. IV. О греческихъ школахъ и методахъ изученія въ нихъ высшихъ наукъ. Изд. 1714 г.

Спрашиваетъ уроки и отчасти разъясняетъ ихъ, а больше разъясняетъ уроки къ слѣдующему дню; заставляетъ записать это разъясненіе, или переложить что-либо трудное на болѣе простую рѣчь или задаетъ имъ какое-либо описаніе—сочиненіе, а самъ преподаетъ другимъ ученикамъ другіе уроки, если только на урокахъ по св. Писанію или богослуженію не замѣняетъ учителя епископъ. Послѣ обычныхъ молитвъ, тутъ же въ школь—церкви дѣти и обѣдаютъ, ибо матери присылаютъ имъ пищу съ служителемъ или служанкою или же сами они запасаются ею, идя въ классъ и неся ее въ корзину. Послѣ обѣда и молитвословія, особенно лѣтнимъ временемъ, позволяется имъ немного поспать или поиграть. Дѣти богатыхъ и бѣдныхъ родителей ложатся въ порядкѣ на землѣ, какъ агнятки подъ тѣнью дуба. Надъ спящими стоитъ монахъ, держа въ рукахъ лозы на подобіе скипетра, чтобъ кто-нибудь не обезпокоилъ товарища въ дорогое время отдыха. Старшіе дѣти отъ игръ простонародныхъ юношей, а тѣмъ болѣе турецкихъ, сами опасливо удаляются. Скромность и благочестіе, которыя настоятельно внушаются имъ, они прилежно соблюдаютъ и въ играхъ. Затѣмъ послѣ игръ или сна снова молитва и ученіе въ прежнемъ порядкѣ. Около заката солнца, чрезъ перваго ученика, который у нихъ называется протосхагомъ, возвѣщается окончаніе ученія. Отложивши книги и расположившись въ кругъ, на подобіе лебедей, въ предсѣданіи учителя, дѣти, кромѣ другихъ молитвъ, произносятъ на память обширный 104-й псаломъ: *исповдайтесь Господу и призываютъ имя Его, возвѣстите во языцехъ дѣла Его*, а также: *приидите поклонимся Царю нашему Богу*, и съ пѣснями благодаренія Богу идутъ домой. Если слѣдующій день праздникъ, то юноши не отпускаются изъ школы иначе, какъ по совершеніи публичныхъ молитвъ (всенощной), которыя начинаются за часъ до заката солнца и оканчиваются чрезъ полтора часа послѣ заката. Летя съ величайшею скоростію домой, если встрѣтятъ почтеннаго человѣка или женщину, тотчасъ останавливаются и учтиво цѣлуютъ ихъ руки. То же соблюдается и во время самыхъ оживленныхъ игръ ихъ. Если они сидятъ и мимо ихъ проходитъ престарѣлый человѣкъ, они непременно встаютъ по древнему лакедемонскому

обычаю, или по слову апостола: *предъ лицомъ съдало возстани и почти лице старца*. При встрѣчѣ съ священникомъ или епископомъ, они привѣтствуютъ его словами: прости, Владыко, а онъ отвѣчаетъ имъ: Богъ васъ проститъ, или: благословеніе Бога моего съ вами. Дома, когда за обѣдомъ присутствуютъ гости или родители, дѣти поднося ко рту первый стаканъ вина (весьма не много и то съ водою, вмѣсто нашего кваса) и съ открытою головою (ибо всѣ греки сидятъ за столомъ съ покрытою головою) провозносятъ молитву: молитвами св. отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь, и прибавляютъ: благородіе твое да сохранитъ Господь Богъ на многія и добрыя лѣта, аминь. Если-жъ лицо будетъ духовное, то вмѣсто благородія говорятъ священство твое, если епископъ — святиню, если архіепископъ или митрополитъ — всесвященство твое, если патриархъ — архіерейство твое, Владыко; затѣмъ цѣлуютъ по порядку руки всѣхъ сидящихъ и лишь послѣ этого понемногу начинаютъ пить. Только въ праздникі Рождества Христова, Пасхи, св. апостоловъ Петра и Павла, во дни заговѣнья давалась дѣтямъ нѣкоторая свобода, ослаба“.

Такъ строго-религіозно было первоначальное воспитаніе у грековъ въ XVIII вѣкѣ, какъ и во всѣ предшествовавшіе 17-ть вѣковъ. Таково же оно было, при всѣхъ превратностяхъ судьбы и различіи уровня образованія, въ школахъ всѣхъ разрядовъ — и все благодаря первоначальному воспитанію. Отъ педагогики, имѣющей такую древнюю славную исторію, многому можно поучиться и нашему времени, гораздо большому, чѣмъ отъ модной педагогики запада, имѣющей за собою лишь три или четыре вѣка исторіи. Правдѣ, благочестію, тому, что *едино есть на потребу*, намъ учиться не у нѣмцевъ и иновѣрцевъ, а отъ тѣхъ, отъ кого мы заимствовали св. православную нашу вѣру.

II.

При заимствованіи нами отъ грековъ вѣры, науки, законодательства и главныхъ основъ жизни государственной, общественной, школы у насъ устроены были по образцу греческихъ школъ не столько правительственныя, сколько частныя. Не говоря уже о

столь извѣстныхъ школахъ Владиміра равноапостольнаго, Ярослава Мудраго, о богатой бібліотекѣ Ярослава Мудраго, о „цѣлыхъ клѣткахъ книгъ“ языковѣдца Всеволода Ярославича, о школахъ при архіерейскихъ кафедрахъ, при соборахъ въ городахъ, — въ лучшихъ монастырскихъ училищахъ обученіе обнимало иногда весь кругъ знаній, преподававшихся въ монастыряхъ Греціи. Краткость въ обученіи, его доступность ставились на первомъ планѣ. Таково положеніе школы, по древне-русскимъ письменнымъ памятникамъ, до монгольскаго ига. При лучшихъ монастыряхъ нашихъ, наприм., Печерскомъ. были также обильные запасы книгъ, какъ и при греческихъ, наприм., Студійскомъ. Монастыри съ такими бібліотеками и школами наши славянофилы не безъ основанія называютъ университетами или университетцами. Въ XIV и XV вѣкахъ лѣтописцы вовсе не упоминають объ училищахъ. Въ только что просвѣщенной греками Руси, въ язычествѣ грубой, полудикой трехсотлѣтнее монгольское иго подавило образованность гораздо болѣе, чѣмъ сколько могло ослабить ее турецкое иго въ народѣ. болѣе двухъ тысячъ лѣтъ считавшемъ исторію своего просвѣщенія и положившемъ начало всѣмъ наукамъ и искусствамъ во всемъ мірѣ. Въ XVI в. въ московской митрополичей, впоследствии патриаршей, бібліотекѣ, не смотря на все разгромы и пожары Москвы, при всѣхъ буряхъ и превратностяхъ времени, Герберштейнъ и Флетчеръ нашли однако такое богатство книгъ и рукописей, большею частію греческихъ, какого они не находили на западѣ, хотя при взятіи Константинополя латинянами и турками греческія книги везли на западъ цѣлыми кораблями.

Въ XVI в. въ западной Россіи организовались братства и братскія школы, учрежденіе далеко не такое самобытное, какимъ его представляютъ иные. У грековъ и юго-славянъ братства возникли на рубежѣ XV и XVI вв. Греческое братство въ Венеціи отъ венеціанскаго правительства получило позволеніе устроить братскій домъ въ честь св. Николая въ 1498 г. и построить новый храмъ св. Георгія — въ 1511 г. и — испросило окончательное утвержденіе патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу въ 1527 г. (Мелетій Пигасъ, соч. Малышевскаго 40 стр.).

На юго-востокъ и на Руси братства возникли въ вѣкъ всеобщаго стремленія христіанъ къ восстановленію чистоты ученія и нравовъ первыхъ временъ христіанства. Но наши братства несравненно глубже воплотили въ себѣ духъ первобытнаго христіанства, духъ любви и просвѣщенія, чѣмъ протестантскія общины и католическіе ордена. У первенствующихъ христіанъ душа и сердце бѣ едино и братчики на судахъ, сеймахъ, въ ученыхъ собраніяхъ всѣ за cadaго и каждый за всѣхъ стояли, какъ одинъ человѣкъ, и обильныя пожертвованія сносили въ кассу братскую. Первенствующіе христіане, съ ихъ высокою просвѣщенною вѣрою и чистотою нравовъ, были то же среди людей, что солнце въ природѣ, душа въ тѣлѣ; ихъ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, устроенныя на частныя добровольныя жертвы, доставили христіанству побѣду надъ іудействомъ и язычествомъ: и братства наши сохранили благочестіе среди иновѣрія, какъ лилію посреди тернія; ихъ воспитательныя и благотворительныя учрежденія: богадѣльни, страннопріимныя, пріюты для сиротъ, обширѣйшіе госпитали процвѣтали на подобіе сиротовоспитательныхъ заведеній первыхъ вѣковъ христіанства, представляли видное превосходство предъ иновѣрными учрежденіями въ этомъ родѣ и чрезъ то спасли вѣру и народность православную отъ всѣхъ козней враговъ и недуговъ времени. Здѣсь же найдемъ и первообразъ ихъ устава и строя учебно-воспитательнаго. Въ школахъ острожской, львовской, виленской, могилевской, кіевской, туровской, лудской, минской и др. преподавались „вызволенныя науки (*artes liberales*) языковъ вше-лякихъ“, — затѣмъ св. Писаніе, ученіе св. отцовъ, богословіе, церковная исторія и начала медицины, словомъ почти тѣ самыя, которыя преподавались и въ названныхъ школахъ греческихъ древнѣйшихъ, средневѣковыхъ вплоть до XIX в. Преподавателями были большею частію греки, напр., экзархъ Никифоръ, Кириллъ Лукарисъ, іеромонахъ Іосифъ и другіе, которыхъ много жило тогда въ западной Руси. Языкомъ преподаванія и разговорнымъ былъ частію греческій, частію славянскій (въ острожской, напр., академіи одинъ ученикъ спрашивалъ по гречески, другой отвѣчалъ

по славянски. и наоборотъ ¹⁾. Самая славянская грамматика въ 1588—9 гг. составлена грекомъ Арсеніемъ во Львовѣ, въ послѣдствіи митрополитомъ елассонскія, и съ нею носились всюду какъ съ священной книгою, какъ съ драгоценною святынею ²⁾. Какъ въ юго-западной Россіи, такъ и въ греческихъ странахъ, школы въ своемъ учебно-воспитательномъ строѣ устроены были ближайшимъ образомъ по образцу греческой венеціанской коллегіи, въ которой преподавались тѣ же сейчасъ исчисленные предметы съ соединеніемъ мѣстнаго латинскаго и итальянскаго языковъ; преподавателями были воспитанники и даже представители западныхъ университетовъ, но большею частію лица духовныя, особенно изъ братскихъ проповѣдниковъ, или же послѣ учительскаго званія посвящавшія себя служенію церкви въ санѣ епископскомъ и даже патриаршескомъ, что даетъ представленіе о тѣсной связи школы съ церковію (Мелетій Пигасъ, соч. И. И. Малышевскаго стр. 468—471) *Helladii Status graesens Eccles. Gr. p. 21—67*. Въ нѣкоторыхъ школахъ, напр., острожской, виленской и „иновѣрній нѣмцы“ читали нѣкоторыя науки и въ учебномъ своемъ строѣ, въ методикѣ преподаванія онѣ многимъ заимствовались отъ лучшихъ протестантскихъ школъ, наприм., торунской, виленской и слупской; при послѣдней, какъ и при падуанскомъ университетѣ, открыты были особые классы или отдѣленія для православныхъ юношей. Но хотя и „иновѣрній“, нѣмцы оказались „посланными отъ Бога заступниками православныхъ отъ навѣтовъ и козней іезуитовъ“ ³⁾, потому что самъ патріархъ константинопольскій, чрезъ своихъ ексзарховъ и пословъ, „часто и часто навѣжалъ ихъ въ этихъ школахъ и дидакалы мудрыми облагалъ“, къ размноженію наукъ вѣры православныя ⁴⁾ и они возвращались оттуда, какъ „корабли, наполненные разными товарами“ и, за весьма немногими исключеніями, совершенно вѣрные вѣрѣ отцовъ, какъ остались вѣрными ей христіанскіе юноши въ древ-

¹⁾ Акт. З. Росс. т. III, № 157; т. IV, №№ 18 и 24.

²⁾ Акт. З. Россіи, т. IV, № 4.

³⁾ Акт. З. Рос. т. IV, № 217, стр. 506; № 149, стр. 215. *Восст. Польск. Ostrowskiego Warszawie 1793 г. т. III, стр. 421 и 425.*

⁴⁾ Вѣст. З. Россіи 1869 г. кн. 7, отд. II, стр. 8, 9, 13, 21.

нихъ языческихъ школахъ. Чтенія священныхъ книгъ и благочестивыя размышленія въ братскихъ собраніяхъ и школахъ напоминаютъ собою диспуты при школахъ, церквахъ и общественныхъ собраніяхъ въ лучшія времена Греціи. И какъ на востокъ, и у насъ „почало просіявати православіе, аки солнце“ ¹⁾. По уставу Кирилла Лукариса, дѣйствовавшему въ школахъ — луцкой, острожской, львовской и другихъ, въ религіозно-нравственномъ строѣ ихъ, молитва, перемежавшаяся чтеніемъ слова Божія, смѣнялась ежедневно наукою, наука — пѣніемъ, пѣніе — физическими упражненіями, и опять молитва, опять наука. Это не уставъ, а катехизисъ и кодексъ нравственныхъ наставленій; здѣсь что ни правило, то нравственная сентенція и изреченіе отъ Писанія. Училище, построенное на такихъ началахъ, было, по истинѣ, училищемъ благочестія лучшихъ древнѣйшихъ временъ христіанства ²⁾. Домашнія молитвы и посты питомцевъ переносятъ насъ въ тѣ же священныя времена древности. Во всѣ четыре поста въ году всѣ питомцы исповѣдывались и приобщались св. таинъ. Въ праздничныя и воскресныя дни всѣ они ходили не только къ утрени и литургіи, но и къ вечерни и молебну. Богослуженіе братское было образцомъ для всѣхъ другихъ православныхъ церквей и представляло видимое превосходство предъ иновѣрческимъ богослуженіемъ. За всѣхъ благодѣтелей живыхъ и умершихъ возсылались теплыя мольбы. Инструкціи братскія — большая и малая (состоявшія въ изъясненіи св. Писанія и катехизиса), или же проповѣди братскія были ежедневныя. Каедрa церковная превращалась въ школьную, школьная въ церковную, при возбужденіи въ обществѣ чрезвычайнаго къ нимъ интереса. Какіе все мудрыя и поучительныя примѣры! И все это дѣлалось то въ подражаніе греческимъ дидакаламъ — проповѣдникамъ, то католическимъ и протестантскимъ и для пораженія враговъ ихъ же оружіемъ.

Полемику съ иновѣрными братскіе проповѣдники (мейстера) вели не латинскими силлогизмами, не въ стѣснительныхъ форму-

¹⁾ Ав. З. Рос. т. IV, № 149.

²⁾ Уст. Луц. шк. §§ 11 и 12 въ Памят., изд. Врем. Коммис. при Киевск. ген.-губ. стр. 83—106.

лахъ методики Аристотеля, а отъ догматовъ и писаній св. отцевъ восточныхъ. Друкарни или типографіи братскія „эти нѣмыя проповѣди“, какъ ихъ тогда называли, печатали на всѣхъ языкахъ книги не только для всѣхъ школъ края, но и для всего христіанскаго народа ¹⁾. Были такія друкарни и въ деревняхъ. Нѣкоторыя школы, наприм., львовская и вилепская заняты были преимущественно изданіемъ книгъ богослужебныхъ, ученыхъ, полемическихъ и учебныхъ: книги же еретическія, растлѣвающія отнюдь не дозволялись ученикамъ. И сколько здѣсь воспиталось мудрыхъ казнодоровцевъ (проповѣдниковъ), ученыхъ іереевъ, просвѣщенныхъ іерарховъ, богослововъ, апологетовъ, полемистовъ, сивоятиковъ, историковъ! Какъ изъ земли выросшіе ученые: греки и западноруссы, именитые аристократы, скромные иноки, священники, клирики группировались около братствъ, составляли учено-религіозныя кружки: и въ самыя школы поступали для обученія дѣти всякаго званія и положенія. Всѣ почти братскія школы, подобно греческимъ школамъ, раздѣлялись на младшія или приготовительныя, гдѣ давалось дѣтямъ первоначальное, элементарное образованіе, и высшія, воспитывавшія „людей ученыхъ, особъ духовныхъ и свѣтскихъ для науки православныя“ ²⁾. Религіозно нравственный строй твердо и прочно держался въ высшихъ школахъ, потому что онъ такъ заправленъ былъ въ первоначальныхъ. Такъ было и по измѣненіи въ нихъ греческаго характера и строя образованности въ латинскій и по превращеніи ихъ въ латинскія схоластическія коллегіи (въ 30-хъ годахъ XVII-го столѣтія). Таковы же были школы священниковъ и дяковъ съ учениками, „для послуги церковной“, о которыхъ упоминають акты юго-западной Россіи этого и раннѣйшаго времени.

III.

Съ дальнѣйшимъ поворотомъ къ западно-европейской образованности, съ учрежденіемъ свѣтскихъ спеціальныхъ школъ при Петрѣ

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ и академію, Аскочепскаго, т. I, стр. 144, 286 и 287.

²⁾ Уст. Львов. шк. 12 артик. и Археолог. Сбор. док. относящ. ист. Зап. Рос., т. II, № 22, стр. 46.

Великомъ, завѣтамъ и преданіямъ двухтысячелѣтней исторіи описанныхъ школъ остались вѣрны духовныя наши школы—академіи, семинаріи и духовныя училища и приуроченныя къ семинаріямъ церковно-приходскія школы, хотя имъ много еще не достаесть до ихъ изначальнаго идеала, наприм., продолжительныхъ молитвословіи домашнихъ и церковныхъ, говѣнія питомцевъ во всѣ четыре поста. Съ развитіемъ жизни общества и церкви, теперь возникли иныя во многомъ потребности, но духъ религіозно-просвѣтительнаго, благотворительнаго подвига ея одинъ и тотъ же, какъ неизмѣнна въ существѣ, цѣляхъ и стремленіяхъ своихъ св. вѣра христіанская. Стоя на высотѣ западно-европейской науки, методики, но отнюдь не поступааясь вѣроисповѣдными своими началами, наши духовныя и церковно-приходскія школы должны быть наслѣдницами національныхъ и религіозныхъ преданій описанныхъ школъ греческихъ и братскихъ, носительницами одушевлявшаго ихъ духа благочестія и ровности къ обрядамъ и уставамъ церкви православной, святилищами науки и вѣры православной, возведенными, по возможности, до ихъ первообраза въ первобытномъ христіанствѣ. Какой типъ школъ выработала чуть не двухтысячелѣтняя греко-русская исторія наша, для сохраненія вѣры, народности и гражданственности нашей, тотъ и долженъ быть сохраненъ и наиболѣе распространенъ въ народъ, т. е. духовныя и церковно-приходскія школы; юнѣйшія же свѣтскія школы, созданіе послѣднихъ полутора вѣковъ (при всемъ преобладаніи въ нихъ свѣтскихъ профессиональныхъ наукъ), по приговору и завѣтамъ той же двухтысячелѣтней исторіи нашей, должны быть рано или поздно обновлены и возвышены въ своемъ духовномъ, религіозно-нравственномъ строѣ, съ усиленіемъ въ нихъ преподаванія закона Божія и богословія и пр. Въ свѣтскихъ, духовныхъ и церковно-приходскихъ школахъ, ради всего святого и завѣтнаго изъ первобытной исторіи, долѣше и больше нужно держать дѣтей на избранныхъ чтеніяхъ изъ библіи и св. отцовъ, житій святыхъ, классиковъ духовныхъ и свѣтскихъ; на изученіи житій святыхъ, особенно греческихъ или грѣснопѣній по древнимъ расгъвамъ; и вотъ отрадное въ этомъ смыслѣ явленіе — братскій хоръ нашъ,—больше нужно изучать нравственныхъ афоризмовъ,

сентенцій, изреченій знаменитыхъ мужей и мудрости народной, по-
словиць, поговорокъ и пр. Тогда не страшны будутъ никакія
превратныя доктрины, растлѣвающія книги. Всѣ названныя школы
должны быть едино по духу и направленію, различаясь развѣ въ
степеняхъ.

Если съ самаго начала христіанства до послѣдняго времени
высшія и среднія школы у грековъ и у насъ были строго рели-
гіозными и церковными потому, что таковыми были первоначальныя
народныя школы, и народъ нашъ, по священному завѣту всей мно-
говѣковой исторіи, жаждетъ, жаждетъ церковной школы, то какъ
не быть первоначальнымъ народнымъ нашимъ школамъ церковными!
Если чрезъ первоначальное обученіе въ народѣ не будетъ разви-
ваться и воспитываться церковность и религіозность, если перво-
начальная народная школа не будетъ дополненіемъ къ церкви и
проповѣди ея, то какъ иначе мы удержимъ народъ въ нѣдрахъ
церкви! И гдѣ, какъ не въ народѣ найдемъ мы главную опору
для церкви и религіи! Юнымъ душамъ, по самой природѣ ихъ,
религіознымъ, отзывчивымъ и воспримчивымъ ко всему доброму,
божественному. мы должны сказать, по апостолу, *ою волю Божію*
или благодѣтвить слово спасенія: подобно тому какъ въ первые
еще вѣка христіанства каждый крестившійся отрокъ въ школѣ отъ
священнослужителей получалъ наставленіе въ христіанской вѣрѣ и
письменности. Весьма поучительно для насъ и то, что на зарѣ новѣй-
шей нашей исторіи, въ пору процвѣтанія братствъ въ XVI и XVII в.
грамотность и образованность, непрежъвно въ духѣ строгой церковно-
сти, распространена была въ западно-русскомъ народѣ болѣе, чѣмъ
у насъ въ настоящее время. Иностранцы давно замѣтили, что „рус-
скій народъ не нація, а церковь“, и это по живучести въ немъ рели-
гіозныхъ завѣтовъ и преданій всей исторіи нашей, потому, что означала
вѣковъ его обученіе и воспитаніе было церковное, религіозное, то
чрезъ грамоту и книжки, то чрезъ богослуженіе православное. Съ
самаго начала христіанства оно всегда прививалось больше всего
къ простому народу, который и былъ всегда главною опорою и
охраною его. *Не мудрыя, самихъ апостоловъ изъ народа избрѣ*
Богъ, да премудрыя посрамитъ (1 Кор. I, 27). Вѣра простого народа

всегда была общимъ чувствомъ, чутьемъ истинности православія въ главныхъ началахъ, основахъ его. Но это общее чувство не есть дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній и наслоеній, не увлекается частными внѣшними сторонами предмета, свободно отъ ухищреній разсудка, часто одностороннихъ, кривыхъ, уклоняющихся отъ здраваго смысла и нравственныхъ преданій и потому оно, общее народное чувство истинности вѣры, не смотря на свою сравнительную темноту и неясность, глубже и сильнѣе разсудочныхъ ухищреній, открываεται непосредственно вліянію на него высшей силы, оно есть дѣйствіе высшей силы въ глубинѣ народнаго духа, и въ этомъ смыслѣ гласъ народа всегда былъ гласомъ Божиимъ. Оттого въ борьбѣ со всѣми ересями и расколами, при всѣхъ уніяхъ на греческомъ востокѣ и у насъ въ Россіи, общецерковное, всенародное сознаніе или вѣра народа служила вѣрнымъ стражемъ истинныхъ основъ вѣры, критеріемъ истинности и неприкосновенности вѣры и для просвѣщенныхъ наукою умовъ. Въ простыхъ сердцахъ Богъ обитаетъ, гласитъ народная наша мудрость. Замѣчательно еще, что изъ начала исторіи нашей простой народъ называется крестьянствомъ въ смыслѣ истыхъ христіанъ крестоносцевъ (страстотерпцевъ). Итакъ, уча и просвѣщая народъ, возводя темное его чувство истинности вѣры до ясности и полноты сознанія, многому нужно поучиться отъ него.

Въ Греціи отчасти и у насъ (особенно въ западной Россіи въ XVII в.) народъ самъ себя просвѣщалъ на свои средства и жертвы, не рассчитывая много на правительство, и ничего не щадилъ на устройство сиротовоспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій при школахъ: въ наше время какъ не позаботиться о томъ же и самимъ родителямъ, которыхъ не замѣнять для дѣтей никакія власти. и намъ вѣмъ, по общей братской и христіанской любви! Милостію Божіею, много у насъ первоначальныхъ школъ: правительственныхъ, земскихъ, братскихъ; но процентъ неграмотныхъ еще великъ въ сравненіи даже съ дѣтьми иновѣрцевъ, особенно протестантовъ. Благодареніе Господу, у насъ нѣкоторыми благотворительными обществами при приходскихъ церквахъ устроены приюты и богадѣльни, но большая часть церковно-приходскихъ

школь содержится въ важныхъ убогихъ помѣщеніяхъ; крайняя нужда въ книгахъ для учениковъ, учителя получаютъ скудное нищенское вознагражденіе или трудятся безвозмездно. Въ первые идеальныя вѣка христіанства христіане носили даже на груди книги священнаго Писанія, въ пору процвѣтанія западно-русскихъ братствъ друкарни были и въ деревняхъ: какъ ни много издано теперь священныхъ книгъ и учебныхъ пособій для церковно-приходскихъ школь, но большая еще нужда въ нихъ. Какъ не придти намъ на помощь такимъ нуждамъ! Нашему ли просвѣщенному времени не поддержать въ этомъ заветныя преданія древнихъ блаженныхъ временъ!

Греческія и братскія школы низшія были подготовительною ступенью къ высшимъ не только для учениковъ, но и для учителей, на средства церковныя или братскія воспитывались въ высшихъ и низшихъ школахъ бѣдные дѣти безъ различія званія и происхожденія, отсюда постоянно былъ притокъ свѣжихъ силъ для школы и церкви, и религіозное настроеніе усиливалось и въ высшихъ школахъ. По тѣмъ же историческимъ причинамъ, нельзя не пожелать того же наставникамъ и питомцамъ нашихъ церковно-приходскихъ школь; наставникамъ для внесенія единства добраго направленія въ школы низшія и высшія, чтобъ „имъ быть всюду *всѣмъ* *вся*“; за свое жъ пожертвованіе образованію дѣтей, за соединеніе ученыхъ занятій съ учебными, они получаютъ сугубую мзду отъ Бога и отъ людей. И чѣмъ больше наставниковъ было бы въ священномъ санѣ, тѣмъ лучше было бы для дѣла религіи и нравственности. Лучшіе и даровитѣйшіе изъ питомцевъ церковно-приходскихъ школь должны бы поступать въ духовныя наши училища и семинаріи и находить здѣсь теплый уголокъ и хлѣба кусокъ, какъ это и дѣлается уже въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Отсюда былъ бы притокъ свѣжихъ силъ и возбужденіе вѣщаго религіознаго духа въ духовныхъ школахъ всѣхъ степеней и желательное для многихъ обновленіе церкви. Нашъ великій народный педагогъ С. А. Рачинскій питомцевъ своихъ церковно-приходскихъ школь проводитъ чрезъ духовныя училища и семинаріи. Одинъ другого они лучше, краса нашихъ духовныхъ школь! Священно-

служители изъ нихъ также наилучшіе. Самъ онъ, по оставленіи профессорской кафедры въ университетѣ, четыре года готовясь на должность сельскаго учителя, изучилъ всѣхъ лучшихъ педагоговъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, не мало изъ нихъ методикъ заимствовалъ; но наилучшіе идеалы для церковно-приходскихъ своихъ школъ онъ нашелъ въ школахъ братскихъ и родоначальныхъ имъ греческихъ. Ихъ религіозный духъ, ихъ богослуженіе и распѣвы древніе перенесъ онъ къ себѣ. По ихъ примѣру онъ устроилъ общежитія съ безвозмезднымъ содержаніемъ для всѣхъ нуждающихся учениковъ, пріютъ для сиротъ-ученицъ, больницы, страннопріимныя и т. д. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ его школы и для взрослыхъ бывають продолжительныя чтенія священныхъ книгъ и благочестивыя собесѣдованія и размышленія, прерывающіяся, перемежающіяся отправленіемъ вечерни всею школою. Вечернія и утреннія молитвы, также весьма продолжительныя, начинаются умилительнѣйшимъ пѣніемъ, затѣмъ чтеніе и опять продолжительное и умилительное пѣніе, чтеніе и снова наконецъ пѣніе. Самъ онъ днюетъ и ночуетъ съ учениками, присутствуя при всѣхъ ихъ занятіяхъ, играхъ, прогулкахъ, отдыхѣ. Это великій дидакалъ священной древности, въ мірѣ живя, человекъ не отъ міра сего. Объ этомъ въ свое время нами не мало писано, печатано. Теперь развѣ упомянуть о томъ, что и нынѣшнимъ лѣтомъ со всѣми питомцами онъ ходилъ на богомолье въ Нилову пустынь за 180 верстъ, пѣшкомъ. На ночлегахъ какъ и дома, пѣлись, по обычаю, и читались ями молитвы утреннія и вечернія, предъ принятіемъ и по принятіи пищи. Вездѣ въ деревняхъ просили ихъ пропѣть и прочесть божественное и они пѣли, читали и собесѣдовали *отъ Писанія и яже о царствіи Божіи*. И настоящее путешествіе ихъ было пилигримство ко св. мѣстамъ, какъ бы древнее паломничество во св. землю ¹⁾.

„Народная школа“ (№ 6—7) и „Церковно-приходская“ (кн. 4, 1887 г.) изумляются, какимъ образомъ процвѣтають школы г. Рачинскаго, когда онѣ не служатъ орудіемъ религіозной борьбы, и

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1887 г., ноябрь, стр. 298—332, ст. С. А. Рачинскаго подъ заглавіемъ: «Школьный походъ въ Нилову пустынь».

при этомъ замѣчаютъ, что церковная школа развивается обыкновенно на аренѣ религіозной борьбы, у протестантовъ, напр., она развивалась въ борьбѣ съ католиками, у іезуитовъ—въ борьбѣ съ протестантами, у насъ въ древней Руси въ борьбѣ съ язычествомъ. А того не знаютъ недоумѣвающие, что и въ школахъ г. Рачинскаго идетъ скромная, тихая, но дѣятельная, неустанная борьба съ окружающимъ ихъ сектантствомъ и иновѣріемъ; и взрослыхъ—старообрядцевъ, протестантовъ изъ латышей, а сперва дѣтей ихъ путемъ школы онъ обращаетъ къ православію; такъ же успѣшно онъ миссіонерствуетъ въ своихъ школахъ и среди нѣкоторыхъ евреевъ по примѣру древнихъ греческихъ и нашихъ братскихъ школъ, въ примѣръ и назиданіе всѣмъ намъ и нашимъ церковно-приходскимъ школамъ.

По примѣру древнихъ оглашеній и братскихъ инструкцій, внѣ-богослужебныя чтенія и собесѣдованія всюду, слава Богу, теперь прививаются на Руси; по примѣру древнѣйшихъ и братскихъ дваскаловъ - проповѣдниковъ, изъяснявшихъ кто пѣсни Давида, кто Евангелія и посланія, у насъ въ употребленіи изъясненія и псалмовъ и евангелій. Въ ходу у насъ и объясненіе апостольскихъ чтеній, но лишь однихъ воскресныхъ. Желательно бы распространить изъясненія всѣхъ посланій апостольскихъ съ каеодры церковной, въ школахъ церковно-приходскихъ и въ библіотекахъ ихъ, но предварительно нужно бы напечатать краткія подстрочныя изъясненія посланій, на подобіе толковыхъ евангелій епископа Михаила, сокративъ (въ десятеро) сводъ изъясненій святоотеческихъ, собранныхъ преосвященнымъ Теофаномъ. Въ Греціи и на Руси древней любимѣйшимъ чтеніемъ народнымъ была Библія и ученіе св. отцевъ; Библію разумѣли, изъясняли непременно по разуму св. отцевъ и церкви; но разъ стали толковать св. Писаніе по единоличному разумѣнію одного паны (въ католичествѣ) и всѣхъ и cadaго (въ протестантствѣ), — безъ конца расплодился ереси, расколы и секты. Отсюда новое побужденіе къ изданію и распространенію въ народѣ Библіи или по крайней мѣрѣ Новаго Завета съ подстрочными краткими изъясненіями отъ св. отцевъ и учителей церкви.

Наконецъ послѣднее *primum desiderium*. Не ссылаясь на правительственныя и частныя благотворительныя общества, нужно споспѣшествовать, по мѣрѣ возможности, св. дѣлу просвѣщенія народа и благотворительности непремѣнно подѣ съвѣю и благословеніемъ церкви, при молитвахъ церкви за благотворителей, приурочивъ благотворительное наше братство къ какой-либо церкви; подобно тому, какъ споспѣшествовали и благотворили для такого св. дѣла, чрезъ длинный рядъ вѣковъ, при всѣхъ бѣдствіяхъ и гоненіяхъ, въ церкви греко-восточной и при безсмертныхъ братствахъ нашихъ.

Какъ школы греческія были оплотомъ вѣры противъ всѣхъ ересей, сектъ, уній и всякихъ прираженій иновѣрія, какъ древнія братства, ихъ школы, казанья и инструкціи спасли церковь и народность русскую отъ обуревавшего ее отсюду иновѣрія и не-вѣрія, такъ и теперь въ братствахъ, въ школахъ церковно-приходскихъ, въ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ съ народомъ его спасеніе отъ вѣяній времени и духа сомнѣнія и маловѣрія.

Архимандритъ Сергій.

1887 г., декабря 9.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки